

Закапал мелкий осенний дождик

— Давайте перейдём под крышу оперного театра, вода попадает на лист.

— Хорошо. Я возьму стульчики и планшет с листами. Вы — зонты, портреты и кисти с карандашами.

В сентябре темнеет рано, уже в половине восьмого начинается закат.

А в этот денёк небо было в тучах с самого утра. Осенний промозглый дождик то начинался, то остывал. Ко времени, когда я уселась на старенький стульчик, осень решила пустить морось и леденящий, пронизывающий ветер, что дул непрерывно с Енисея на Театральную площадь.

Примерно в восемь зажглись фонари, у фонтанов включилась подсветка. Струи стали переливаться загадочным светом. Пространство перед Театром оперы и балета наполнилось каким-то волшебством. Возникали и исчезали люди, мирно идущие куда-то. И все с любопытством наблюдали за нами. За мной и художником.

То ли день оказался каким-то особенным, то ли звёзды мне моргнули левым глазом, не знаю. Только именно сегодня оказалась я здесь, увидела этого художника-портретиста, наблюдала, как он пишет портрет сначала одной молоденькой девушки, потом другой...

Ожидание длилось бесконечно долго. Примерно два часа. Я не умею ждать. Но именно в этот день я захотела остаться и ждать, чтобы он написал мой портрет. Девушки получились у художника на портретах гораздо лучше, чем в жизни.

У той, что была написана второй, взгляд был направлен вдаль, она жила в ожидании чуда.

В беседе с нами девушка была очень словоохотлива, рассказала, что приехала посмотреть Красноярск в третий раз, мечтала о красивой жизни, и рассуждала наивно, легко и просто. Было ей не больше двадцати.

Я устала стоять и решила отойти в кафе, сказав, что вернусь минут через двадцать. Сидела, пила капучино и наблюдала за молодёжью, ища хоть какую-то изюминку для написания очередного рассказа или эссе.

Художник показался мне старше своих лет, пожалуй, годов на десять.

Жил он, скорее всего, один, был светловолос и очень худощав, но высок ростом и статен, весьма интеллигентен и благороден.

Брюки и пиджак, давно вышедшие из моды и не совсем чистые, всё же сидели на нём почти безукоризненно и придавали загадочности, шарма и такого обаяния, что, несмотря на зрелые лета, он вызывал интерес. Но был закрыт и скромн.

Не исключено, что любил наш художник посидеть в компании и выпить. И делал это частенько. Поэтому лицо его было морщинисто-помятым, а наступившее лоно темноты придавало ему даже немножко устрашающий вид.

Манера писания была у портретиста какая-то странная. При каждом мазке кисти и карандаша он скалился, показывал зубы, и это как-то отталкивало.

Может, он был недоволен собой, в темноте писать ему было сложно, но деньги были нужны, да и я ждала целых два часа. Отказывать людям художник не умел.

Бесспорно, не был он меркантильным, но чувство нужды заставляло его приходить каждый день сюда и писать портреты.

— А я раньше никогда вас здесь не встречала. Давно здесь работаете?

— Да вот уж около двадцати лет, только я всё на набережной писал, а теперь вот уже год лестница, та, что вниз от площади к Енисею идёт, на ремонте, так я вот сюда перешёл.

Огни фонарей, что освещали оперный театр снизу, били холодным ярким светом в глаза, он не мог поймать нужный ракурс и злился. Но при этом старался не показывать виду.

— Нет, давайте пересядем вот сюда.

— А может, так?

Я брала старенькие, дряхлые походные стульчики и снова переставляла их.

— Нет, здесь тоже попадают капли на лист. Так работать нельзя.

Размеренно, шаг за шагом, мы всё переставляли эти стульчики, пока наконец-то художник не нашёл приемлемое положение моё для написания портрета.

Уже стемнело. Шёл девятый час вечера. На площади давно зажглись фонари, но чёрные тучи, нависшие над городом, хотели отдать земле всё, что причиталось вылить этим засушливым летом, поэтому они висели низко, нагнетая излишнюю темноту и мрак.

— Ну вот так, наверное, сидите, только не поднимайте наверх глаза, оставайтесь в одном положении. Да, да, голову держите прямо, вот-вот, чуть-чуть наклоните.

Он замолчал и стал наконец-то работать. Брал карандаши или тушь, потом кисти, снова карандаши. Продолжал щуриться с оскалом, присматриваясь к наброскам и иногда беря резинку и стирая неточный, по его мнению, мазок.

Не знаю, можно ли смотреть в глаза художнику, когда он пишет твой портрет.

Мне было неловко смотреть прямо на него, и я всё время отводила глаза в сторону.

Шёл мелкий промозглый дождик, подбрасывая со стороны Енисея такой же холодный осенний хиус.

Укутавшись поуютней в длинный полушерстяной чёрный кардиган, я уже тряслась от холода, губы мои посинели, а лицо покрылось красными багровыми пятнами от холодниковой аллергии, что всегда начиналась у меня от холодного ветра.

«Господи, что он там напишет? — думалось мне. — Какой портрет в такую погоду, да ещё и ночью?»

Художнику было не лучше,

Не знаю, согрели его капучино, который я принесла ему из кафе перед тем, как он приступил к написанию моего портрета.

Боже, что со мной происходит? Я ли это? Здесь, в ночи, сижу с портретом?

Вышедшие из театра люди с благоговением смотрели на нас, проходя мимо.

И вот сейчас, вечером, в темноте, впервые в жизни, я видела столько искренних улыбок в глазах проходящих мимо людей.

Ни один из них не покрутил пальцем у виска, ни один не рассмеялся с усмешкой.

Молодые парни на самокате просили разрешения понаблюдать за тем, как он пишет. Смотрели и искренне улыбались.

Я дрожала от холода и тоже улыбалась. Улыбалась природе, погоде, тучам, холодному Енисею, этому дню, наконец, в который мне откуда-то свыше было дано оказаться здесь, рядом с художником, сидеть и мучительно терпеть.

Как медленно тянулось время, как долго он писал.

Руки его давно замёрзли и, видимо, не слушались кистей и карандаша.

Время от времени мы возвращались к разговору, потом снова замолкали.

Говорила больше я, а он молчал и слушал. Лишь изредка, для поддержания беседы, он весьма аккуратно говорил на каком-то особом языке, понятном только ему одному. Чувствовалась в нём какая-то дворянская, что ли, порода художника, чувство такта и этикета.

Всё это было написано у него на лице, чувствовалось в его манере поведения, в его движениях.

Нет, пожалуй, он совсем уже не наслаждался своей работой, скорее наоборот, был всё время недоволен. Что-то у него не получалось.

Незаметно подкрался возраст, но было ему всего шестьдесят, он не мог жить однообразно, творческому человеку всегда нужны простор и свобода. Свобода во всём. Работа архитектором в небольшом провинциальном городке ему очень быстро наскучила, и он вернулся в свою стихию.

И жизнь его теперь проходила всегда одинаково: от портрета до портрета.

— Мы близимся к завершению?

— Да, сейчас, уже почти, ещё несколько штрихов.

Он отодвинул портрет на ширину вытянутой руки, сделал несколько шагов назад и снова посмотрел на меня.

— Ну вот, теперь портрет закончен.

— Разрешите посмотреть? О Боже, я ли это? Вы приукрасили меня?

Я смотрела на свой выстрадавший портрет, написанный в ночи, и не узнавала себя.

— Как величать вас?

— Василий.

«Да уж, — подумалось мне, — ещё один свободолюбивый человек с царским именем».

Ни видом, ни взглядом художник не показал своего расстройств тем, что я не узнавала себя.

Он хотел уже завернуть его в свежую рекламную газетку, но я попросила сначала позволить сфотографировать.

Щёлкнул мой телефон, на экране появилось фото.

— Разрешите посмотреть?

— Да, конечно.

На фото портрет выглядел иначе.

В далёкую даль смотрели мои глаза, правда, без ресниц, губы, для яркости заретушированные сильнее, вроде тоже были моими, овал лица, волосы — всё по отдельности было моё.

А вместе я была не я.

— Ну почему же? Очень даже похоже, — сказал он совсем не убедительно.

— Ну да, на фото больше похожа.

Я не хотела его обидеть.

— Спасибо вам большое. А можно ваш номер телефона? С вами же можно договориться, чтобы вы подъехали домой написать портрет?

— Да, конечно.

Я рассчиталась с Василием, записала номер телефона, попрощалась, взяла свёрток с портретом и, уже не дрожа, а просто трясясь от холода, побежала к остановке.

История с портретом длинной в три часа перевернула в тот день всю мою жизнь.

Вот такой увидел меня художник Василий в ночи, в этот сентябрьский пасмурный день.

Судите сами. Похожа ли я?

9 сентября 2023

Портрет в ночи.
Художник Разумов Василий
Красноярск, Театральная
площадь, Сентябрь 2023